

СЛУЧАЙ В ВИЛЬФЕРСКОМ ЛЕСУ

Солнце село. На лес надвигались огромные тени. В странном полумраке позднего летнего дня я увидел, как тропинка впереди скользнула среди могучих деревьев и исчезла. Я вздрогнул и испуганно оглянулся через плечо. В милях позади осталась ближайшая деревня, в милях впереди уже ждала следующая.

Я оглядывался налево и направо, когда шел вперед, а потом оборачивался назад. И вдруг я замер, положив ладонь на рукоять рапиры, — хрустнувшая ветка сообщила о приближении какого-то мелкого зверя. Или животное было *крупным*?

Но путь вел вперед, и я пошел по нему, потому что, по правде говоря, мне больше нечего было делать. Вышагивая, я думал: «Не узнав наверняка, кто это шел, я так и буду от собственной тени шараться. Разве в этом лесу есть что-то еще, кроме смиренных рыскающих тварей божьих — оленей и родичей их? Что за глупые легенды у этих деревенских жителей!»

Так я и шел, и сумерки перешли в ночь. Замерцали звезды, листья деревьев шелестели под слабым ветерком. И тут я остановился, выхватив

клинок, ибо впереди, за поворотом тропинки, кто-то *пел*. Слов я не мог разобрать, но акцент был странным, почти варварским.

Я отошел за большое дерево, и холодный пот покрыл мой лоб. Потом в поле зрения появился загадочный певец — высокий, худой человек, смутно различимый в полумраке. Я пожал плечами. Двухногих я не боялся. Я выскочил наружу, выставив клинок перед собой:

— Стоять!

Он не выказал удивления.

— Прошу, обращайтесь с этой острой штукой осторожно, приятель, — произнес он.

Устыдившись, я опустил оружие.

— Я новичок в этом лесу, — извиняющимся тоном произнес я. — Наслушался разговоров о разбойниках. Прошу прощения. Где лежит дорога в Вильфер?

— *Corbleu*¹, вы порядочно заплутали, — ответил он. — Нужно было забрать правее чуть позади. Я и сам иду туда — если не против моей компании, я вас сопровожу.

Я колебался. Но с чего бы мне?..

— Прекрасно, я с вами. Кстати, меня зовут де Монтур, и родом я из славной Нормандии!

— А я — Каролюс ле Люп.

— Как, говорите? — вскричал я.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Простите, — сказал я, — уж больно имя чудное! Разве *loup* не означает *волк*?..

— Мой род всегда славился как охотничий, — ответил он и не подал руки.

— Вы уж простите, что я так смотрю, — сказал я, когда мы шли по тропинке, — но в этом полумраке я даже не могу разглядеть ваше лицо! — Я уловил, что он посмеивается, хотя из темноты до меня не донеслось ни звука.

— На меня мало кто смотрит, — ответил он.

Я подошел поближе, а затем отпрянул в сторону, чувствуя озноб.

— Маска! — воскликнул я. — Почему вы носите маску, *m'sieu*?

¹ Черт возьми (фр.)

— Это обет, — объяснил он. — Спасаясь как-то от своры гончих, я поклялся, что если мне удастся сбежать, то буду носить маску определенное время...

— От гончих, *m'sieu?*

— От волков, — быстро поправился он. — Я имел в виду волков.

Некоторое время мы шли молча, а потом мой спутник сказал:

— Я удивлен, что вы гуляете по этому лесу ночью. Мало кто ходит этими дорогами даже днем.

— Спешу достичь границы, — объяснил я. — С англичанами был подписан договор, и герцог Бургундский должен знать об этом. Люди в деревне пытались отговорить меня. Они твердили о свирепом волке, который якобы рыщет по этим лесам.

— Здесь тропа ответвляется к Вильферу, — промолвил мой спутник, и я увидел узкую, кривую тропинку, которую что-то не заметил, когда проходил тут прежде. Она уводила в самый мрак, под свод чащи. Я вздрогнул.

— Вам, чую, не по себе — хотите вернуться в деревню?

— Нет, — воскликнул я, — нет-нет! Идем дальше.

Тропинка была настолько узкой, что мы шли поодиночке, он впереди. Я хорошо его рассмотрел. Он был намного выше меня и худой, жилистый. Одет в костюм, напоминавший об Испании; у бедра висел длинный кинжал. Мой попутчик ступал широкими легкими шагами, почти бесшумно.

Затем он начал рассказывать о путешествиях и приключениях и поведал о многих землях и морях, которые повидал за жизнь, и о многих диковинных вещах. Так, под звуки его голоса, мы забредали все дальше и глубже в лес.

Я предположил, что он француз, но у него был очень странный акцент, не похожий ни на французский, ни на испанский, ни на английский, ни на какой-либо другой, который я когда-либо распознавал. Одни слова он произносил странно, а другие будто вообще не мог выговорить.

— А эта тропа — не из хоженных, не так ли? — поинтересовался я.

— Не из самых, — бросил он в ответ и тихо засмеялся. Я вздрогнул — как же было темно, как навязчиво шелестела листва в гуще ветвей!

— В этом лесу определенно живет нечто дурное, — не удержался я.

— Так говорят крестьяне, — отмахнулся мой спутник. — Но я не раз и не два хаживал по этим тропам — будь тут чудовище, я б его встретил, взглянул бы ему в лицо. Да только не видать что-то этого самого лица! — Подхватив новую тему, де Люп заговорил о безвестных порождениях тьмы;

взошла луна, тени затрепетали среди деревьев. Он обратил к ночному светилу взгляд и проговорил:

— Поспешим! Надобно добраться до места назначения, прежде чем луна войдет в свой зенит. — И мы припустили по тропе почти бегом.

— Говорят, — добавил я запыхавшись, — что в этих лесах бродит оборотень!

— Кто знает... — ответил де Люп. — Есть древнее поверье, которое можно услышать от старух у камелька, — добавил он, — что если оборотня убить, когда он в шкуре волка, то он умрет. Но если расправиться с ним, когда он в обличье человека, — его полужвериная душа будет вечно преследовать убийцу. Поспешите же, луна почти в зените!

Мы вышли на небольшую поляну, освещенную луной, и незнакомец остановился.

— А теперь — небольшой привал, — произнес он.

— Ни к чему, пойдемте дальше! — запротестовал я. — Не нравится мне это место!

Он беззвучно рассмеялся.

— Что не так? Это прекрасная поляна. Она хороша как банкетный зал, и я много раз пировал на ней. А еще в банкетных залах зачастую танцуют, эх-ха! Смотри, смотри же на мой танец!

Мой юродивый спутник принялся совершать странные прыжки вокруг меня, то и дело запрокидывая голову и хрипло, утробно похохатывая. Ну что за досада! Нарваться на этого сумасброда в пути через лес!

Пока он выделывал свои звериные коленца, я осмотрелся. *Тропа не шла дальше, а остановилась на поляне* — вот что до меня только что дошло!

— Идемте, — мягко позвал я, — нам пора. Разве вы не чувствуете сами, как здесь воняет шерстью? Неподалеку волчье логово. Возможно, голодное зверье уже спешит в нашу сторону!

Де Люп опустил на четвереньки, умудрившись каким-то образом остаться *выше* моей головы, и направился ко мне странным скольльзящим шагом.

— Этот танец называется «волкопляс», — прохрипел он, и у меня зашевелились волосы на затылке от страха.

— Не подходи! — Я стал пятиться прочь от безумца.

С пронзительным криком, подхваченным лесным эхом, он прыгнул на меня; хотя на поясе у него висел кинжал, он не схватился за него. Я почти вытащил рапиру из ножен, но тут он схватил меня за руку и повалил головой назад. Я потащил его за собой, и мы вместе покатались по земле. Освободив руку, я рывком сорвал с головы незнакомца маску — и с губ

моих сорвался крик ужаса: под нею сверкали звериные глаза, в лунном свете сверкнули кипенно-белые клыки. *Это была морда волка.*

В одно мгновение вольчи зубы щелкнули у самого моего горла. Когтистые пальцы вырвали рапиру из моей хватки. Стиснув кулаки, я принялся лупить по морде чудовища, но его челюсти все равно достали мое плечо, когти заскребли у самого горла. Я завалился на спину; мир померк от боли. Вслепую я нанес удар — рука опустилась, затем инстинктивной мертвой хваткой сомкнулась на торчащей рукояти кинжала, который я все никак не мог достать. Выхватив оружие, я нанес удар сверху вниз.

Ужасный полузвериный крик — и в следующее мгновение я уже был на ногах, освободившись от веса его тела. У моих ног, корчась, лежал оборотень.

Я наклонился, поднял кинжал, затем сделал паузу, посмотрел вверх. Луна висела близко к зениту. *Если я убью эту тварь как человека, ее страшный дух будет преследовать меня вечно.* Я сел и стал ждать. Тварь смотрела на меня горящими волчьими глазами. Длинные жилистые конечности судорожно изгибались; казалось, на них стремительно нарастает густая шерсть. Опасаясь потерять рассудок, я выхватил у ночного монстра его собственный клинок и зарубил его. Затем вонзил лезвие в землю и бросился бежать прочь.

Перевод Г. Шокина

Примечание

Рассказ написан в 1925 году. Первая публикация — журнал “Weird Tales”, август 1925-го. Является второй по счету профессиональной публикацией автора (первая — рассказ «Копье и клык» (Spear and Fang), также в “WT”, в июле того же года, повествующий о быте пещерных людей).

Текст примечателен тем, что вполне мог бы стать прологом или вводной частью к написанному в том же году рассказу «Волкоглав»; сам по себе он — образец почти «ученической» работы писателя, виньетка, чьи главные достоинства могут быть не столь очевидны в отрыве от продолжения (см. комментарий к «Волкоглаву»). Тем не менее зачастую составители антологий отдают предпочтение именно «Случая...»; показательна история публикаций на русском языке: в период с 1990-х годов по настоящее время — десять изданий «Случая...» против пяти у «Волкоглава».

ВОЛКОГЛАВ

Страх? Прошу прощения, господа, но подлинное значение этого слова вам неизвестно. Нет-нет, я останусь при своем мнении.

Вы — солдаты, искатели приключений. Вы знаете, как наступают полки драгун, как неистовствует овеваемое ветром море. Но страх — настоящий, пробирающий до мурашек, ужасающий страх — вам неведом. А вот мне довелось познать это запредельное чувство, и вряд ли кто-то еще изведает подобный ужас, покуда легионы тьмы не хлынут из адских врат и мировой пожар не поглотит всех нас.

Я расскажу вам эту историю, ибо это было много лет назад и на другом конце света, к тому же никто из вас никогда не видел человека, о котором я вам рассказываю. Не видел — и не увидит, и не узнает.

Вернитесь вместе со мной через годы к тому дню, когда я, безрассудный юнец, сошел в гавани с маленькой лодки, высадившей меня с корабля, проклял грязь, царившую на грубой пристани, и зашагал по причалу к замку, куда меня пригласил старый друг, дон Винсенте да Лусто.

Дон Винсенте был необычным и дальновидным человеком — сильным и смелым мужем, чьему взору открывались виды, недоступные его современникам. Возможно, в его жилах текла кровь тех древних финикийцев, которые, как рассказывают, в смутные эпохи правили морями и строили

города в далеких землях. Его судьба была странной, но он был удачлив — мало кому пришли бы в голову подобные схемы обогащения, да и еще меньше народу на этом поприще достигло бы успеха. Ведь его поместье находилось на западном побережье темного, таинственного континента, озадачивавшего исследователей, — Африки.

У небольшой бухты он расчистил угрюмые джунгли, построил свой замок и склады и безжалостной рукой стал изымать богатства земли. У него было четыре корабля: три небольших судна и один вместительный галеон. Они курсировали от его владений к городам Испании, Португалии, Франции и даже Англии, груженные редким лесом, слоновой костью, рабами; тысячами диковинных богатств, которые дон Винсенте добыл торговлей и завоеваниями.

Да, дикая авантюра, еще более дикий быт — и все же он смог бы создать империю и в этой помраченной земле, если бы не крыса Карлос, его троюродный брат... Но я забегаю вперед в своем рассказе.

Все внимание сюда, господа, — пальцем, обмакнутым в вино, вывожу я на столешнице приблизительную карту. Здесь находилась маленькая гавань, а здесь — широкие причалы. Вот тут, по небольшому склону с хижинами, похожими на склады, с каждой стороны шел причал, а вот здесь он упирался в широкий, неглубокий ров. Через него проходил узкий разводной мост, а затем шел высокий частокол из бревен, врытых в землю. Он опоясывал весь замок по кругу.

Сам замок, построенный по образцу другой, более ранней эпохи, был прочным, но не отличался изяществом линий. Он был сложен из камня, привезенного издалека; годы труда и тысячи негров, работавших под плетью, укрепили его стены, и теперь, в завершенном виде, он выглядел почти неприступным. Таково было намерение его строителей, ведь на побережье свирепствовали берберские пираты, и перспектив туземного бунта было более чем достаточно.

Вокруг замка было расчищено пространство радиусом примерно в полмили, а через болотистую землю проложили дороги. Все это требовало огромного количества труда, но рабочей силы в тех краях хватало. Один щедрый подарок вождю племени — и он самолично погонит к вам своих людей. А уж португальцы знают, как заставить дикаря любить цивилизованный труд!

Менее чем в трехстах ярдах к востоку от замка протекала широкая, но мелкая река, которая впадала в гавань. Ее название совершенно вылетело

у меня из головы. Это было напрочь дикарское название, и я никогда не мог произнести его.

Я обнаружил, что был не единственным другом, приглашенным в замок. Похоже, что раз в год или по какому-то особому поводу Винсенте привозил в свое одинокое поместье множество веселых компаньонов и кутил с ними несколько недель, чтобы компенсировать тяготы и одиночество остальной части года.

Была уже почти ночь, когда я ступил под своды замка; пиршество было в самом разгаре. Мне уделили немало внимания, со всех сторон меня оживленно привечали уже знакомые люди и влекли в самую гущу чужаков, чтобы я со всеми перезнакомился. Признаться, я был слишком утомлен, чтобы принимать участие во всеобщем веселье, так что ел и пил без активного участия в беседах, слушал тосты и разглядывал веселый люд.

Я знал прелестную племянницу дона Винсенте — Изабеллу. Именно она была одной из самых существенных причин, по которой я принял приглашение приехать в этот тропический ад. Карлоса, троюродного брата дона Винсенте, я тоже знал и недолюбливал — это был скользкий, склочный тип, смахивающий на проныру-хорька. Здесь же пребывал старый мой приятель Луиджи Веренца из Италии и его сестрица-кокетка Марсите, по обыкновению строившая глазки мужчинам. Еще присутствовали невысокий коренастый немец, который представился как барон фон Шиллер, Жан Дезмарт, гасконский курносый дворянин, и дон Флоренцо де Севилья — тощий, смуглый, неразговорчивый человек, величавший себя испанцем и носивший рапиру почти такой же длины, как он сам.

Были там и другие мужчины и женщины, но за давностью лет всех их имен и лиц я точно не упомяну.

Лицо одного из присутствовавших почему-то притягивало мой взгляд, как магнит притягивает сталь. Это был худощавый мужчина чуть выше среднего роста, одетый просто, почти строго, и он носил меч почти такой же длины, как рапира испанца.

Но мое внимание привлекла не его одежда и не меч, а именно необычные черты. Его изысканный, высокородный лик был изборожден глубокими морщинами, придававшими ему изможденное, замученное выражение. На челюсти и лбу виднелись крошечные шрамы, как от когтей зверя; я мог бы поклясться, что в выражении узких серых глаз временами появлялся затравленный блеск.

Я наклонился к кокетке Марсите и спросил имя мужчины, так как у меня напрочь вылетело из головы, знакомили меня с ним или нет.

— Это де Монтур из Нормандии, — ответила она. — Ох уж и странный тип! Даже мне он, признаться, не по душе.

— Значит, твои чары для него пустой звук, маленькая ведьма? — проворчал я. Наше длительное знакомство сделало меня одинаково невосприимчивым и к ее гневу, и к уловкам амурного толка. Но на сей раз она предпочла не сердиться и ответила мне лукавым взглядом из-под скромно опущенных ресниц.

Я много наблюдал за де Монтуром, чувствуя странное очарование. Он ел мало, пил много, говорил лишь тогда, когда к нему прямо обращались с вопросом.

Вскоре, когда тосты пошли по кругу, я заметил, что спутники призывают его встать и поднять бокал. Сначала он отказывался, но после их повторных настоятельных просьб встал и на мгновение молчаливо застыл с поднятым кубком. Казалось, он внушает собравшимся благоговейный трепет. Надсадно, сардонически захохотав, он поднял кубок над головой.

— За Соломона! — воскликнул он. — За царя, обуздавшего злых духов рать! И да будет он проклят троекратно — за то, что некоторым из духов этих удалось улизнуть!

Проклятье — и здравица разом! За это выпили молча, озадаченно косясь друг на друга.

В тот вечер я рано ушел на покой, утомленный долгим морским путешествием; голова кружилась от крепкого вина, которого в погребках у дона Винсенте хранилось столь много, что можно было напоить весь этот континент.

Моя комната находилась в самой высокой башне замка; из ее окна открывался чудный вид на тропики и реку. Покои были обставлены с грубым, варварским шиком — как и, в общем-то, все здесь.

Подойдя к окну, я взглянул на дозорного, вышагивающего по территории замка прямо внутри палисада; на расчищенный плац, залитый луной, — неприглядный, пустой; на лес за ним; на умиротворенно протекающую реку. Из туземных кварталов, расположенных недалеко от берега реки, доносилось сюда странное бречание грубой лютни, исполнявшей этническую мелодию.

В темных тенях леса какая-то жуткая ночная птица подняла насмешливый клекот. Зазвучали тысячи нот — птицы, и звери, и черт знает что еще! Какая-то огромная джунглевая кошка зашипела, заставляя волосы на затылке шевелиться. Я пожал плечами и отвернулся от окна. Наверняка в этих мрачных дебрях таились и самые настоящие дьяволы.

В мою дверь постучали, и я открыл ее, чтобы впустить де Монтура.

Он подошел к окну и посмотрел на луну — та так и переливалась безумной белизной.

— Почти полная, не так ли, *m'sieu*? — заметил он, повернувшись ко мне. Я кивнул — и могу поклясться, что в тот момент он вздрогнул.

— Прошу прощения, *m'sieu*, я более не смею вам досаждать. — Он повернулся, чтобы уйти, но у двери помедлил и вновь обратился ко мне. — Послушайте, — прошептал он ожесточенно, — что бы вы ни делали, убедитесь, что вы накрепко заперли свою дверь сегодня ночью!

Затем он ушел, оставив меня недоуменно смотреть ему вслед.

Я задремал. В моих ушах звучали отдаленные крики пирующих; хотя я был утомлен — а может быть, и благодаря этому, — спалось мне легко. Я так и не проснулся до самого утра, но сквозь пелену дремоты до меня доносились все эти звуки и шумы, а разок мне даже показалось, что в запертую дверь кто-то стучит и толкается.

Как и следовало ожидать, большинство гостей на следующий день «штормовались» и большую часть утра проводили в своих покоях. Помимо дона Винсенте, из всех мужчин трезвыми оказались лишь трое — де Монтур, испанец де Севилья и я. Де Севилья накануне не притронулся к вину, а де Монтур хоть и употреблял его в изрядном количестве, ни разу не выказывал, что на него выпитое хоть как-то влияет.

Дамы встретили нас очень любезно.

— По правде говоря, синьор, — заметила эта распутница Марсита, протягивая мне руку с грациозностью, заставившей меня хмыкнуть, — я рада видеть, что среди нас есть джентльмены, которым важнее видеться с нами, чем спать в обнимку с бутылкой вина. — Возмущенно тараща свои дивные глаза, она добавила: — Сдается мне, кто-то прошлой ночью был чересчур — или же недостаточно? — пьян, чтобы блюсти хорошие манеры. Ибо, если только бедные чувства не подводят меня, кто-то караулил меня у двери в спальню прошлой ночью!

— Ну надо же! — воскликнул я, тут же придя в ярость. — Какой-нибудь...

— Нет-нет! Не кричите так! — пресекла меня она, оглядываясь кругом, чтобы убедиться, что нас не подслушивают. — Не странно ли, что сеньор де Монтур, прежде чем уйти к себе, велел мне крепко запереть дверь?

— Чудно, — пробормотал я, но не стал говорить ей, что мне он советовал то же самое.

— И не странно ли, Пьер, что, хотя сеньор де Монтур покинул банкетный зал еще до вас, он имеет вид человека, который не спал всю ночь?

Я пожал плечами. Женские причуды часто бывают странными.

— Сегодня вечером, — сказала она плутовским тоном, — оставлю свою дверь незапертой нарочно — и посмотрю, кого удастся поймать.

— Ты не сделаешь ничего подобного!

Оскалив зубки в пренебрежительной улыбке, она показала мне маленький, но острый кинжал за оборкой платья.

— Де Монтур дал мне тот же наказ, что и тебе, чертовка, так что послушай меня: что бы он ни знал, кто бы ни бродил по коридорам прошлой ночью, целью его было скорее убийство, нежели любовное приключение! Так что держи дверь запертой, — попробовал я вразумить ее. — Ведь леди Изабелла делит с тобой комнату, не так ли?

— Вовсе нет — а служанку я отошлю на ночь в барак, — протянула Марсита, взирая на меня с проказливым прищуром.

— Послушать кое-кого — так девичья честь тебе вовсе не дорога, если, конечно, тебе еще есть за что трястись, — сообщил я со всей горячкой юношества и прямоотой давнишнего товарища. — Ведите себя осмотрительней, юная леди, иначе как-нибудь надоумлю вашего брата бичевать вас в воспитательных целях.

Я отошел, чтобы засвидетельствовать свое почтение Изабелле. Гостья из Португалии была полной противоположностью Марситы — застенчивая, скромная молодая особа, пусть не такая красивая, но уж точно изысканная и миловидная — бесхитростного, практически детского нрава. Одно время я даже подумывал... эхма, молодо-зелено!

Прошу простить за отступление от темы — стариковские мыслишки частенько запутываются. Я-то лишь хотел рассказать о де Монтуре — о нем и о троюродном братце дона Винсенте.

...Итак, у ворот толпились вооруженные туземцы, которых держали на расстоянии португальские солдаты. Среди них было несколько десятков молодых мужчин и женщин: все голые, закованные в цепи по шею, — рабы, захваченные каким-то воинственным племенем и привезенные на продажу. Дон Винсенте лично осмотрел их. Затем последовали долгие торги и переговоры, от которых я быстро устал и отвернулся, удивляясь, что человек ранга дона Винсенте может унизиться, опустившись до работорговли.

Я уже собирался уйти, когда появился один из жителей близлежащей деревни и разразился длинной проповедью в адрес дона Винсенте.

Пока они разговаривали, подошел де Монтур. Вскоре дон Винсенте повернулся к нам и сообщил:

— Один из дровосеков деревни был разорван на куски леопардом или другим хищником прошлой ночью. Сильный молодой мужчина, неженатый.

— Леопард? Его видели? — вдруг спросил де Монтур. Когда дон Винсенте ответил, что тварь приходит и уходит ночью, а потому незрима, он поднял дрожащую руку и провел ею по лбу, как бы смахивая холодный пот.

— Послушай-ка, Пьер, — сказал дон Винсенте. — Тут у меня есть раб, который — чудо из чудес — очень уж хочет перейти к тебе в услужение. Хотя — один дьявол знает, с какой стати!

Он подвел ко мне стройного молодого паренька-джакри¹, чья заразительная улыбка отличалась белизной и редкой для рабов осмысленностью.

— Препоручаю его тебе, — благодушно произнес дон. — Он хорошо обучен, и из него выйдет прекрасный слуга. Но помни — раб выгоднее слуги: ведь ему нужна лишь похлебка, да тряпка на чресла, да посвист хлыста, напоминающий ему, где его место...

Вскорости я узнал, отчего Гола пожелал «перейти в услужение» именно ко мне, отдав моей персоне предпочтение перед всеми остальными: оказалось, из-за моих волос. Как и многие денди, в ту пору я носил длинные завитые локоны, ниспадавшие на плечи. Так получилось, что на вечеринке я был единственным мужчиной с такой прической; в дальнейшем Гола сидел и часами смотрел на меня в молчаливом восхищении. Его застывший взгляд быстро приводил меня в утомление, и я выпроваживал его.

Именно в тот вечер затаенная вражда между бароном фон Шиллером и Жаном Дезмартом взвилась настоящим пламенем! Как издавна повелось, причиной стала женщина — Марсита, заведшая с ними обоими флирт самого возмутительного толка. Она даже не задумалась о возможных последствиях своего поведения — ведь Дезмарт был неоперившимся молодым глупцом, а Шиллер — похотливым бывалым зверем. Но вы скажите мне, месье: где это видано, чтобы женщина свободного нрава задумывалась о последствиях? Взаимная неприязнь конкурентов за ее внимание разгорелась до убийственной ярости, когда немец полез к Марсите с лобзаниями.

Вскоре во дворе уже вовсю звенели шпаги, но прежде чем сам дон призывал кавалеров к благородию, Луиджи встрял меж сражающихся, выбил у обоих оружие и растолкал по сторонам.

¹ Джакри (итсекири) — этническая группа в Южной Нигерии, расселенная вокруг города Варри.

— Синьоры, — проговорил он негромко, но с трепещущей в голосе яростью, — разве же подобает высокородным так сцепляться? Да еще и из-за кого — из-за моей сестры! Клянусь дьявольским перстом: вам обоим изрядно недостает ума! А ты, Марсита, немедленно отправляйся в свою комнату и не выходи оттуда, пока я тебе не разрешу.

Она повиновалась, потому что, несмотря на ее независимость, ни разу не была замечена в перебранке с братом, который из-за своей худощавой, юношеской комплекции часто казался недостаточно мужественным... но только не сейчас, в поистине тигрином напряжении, с убийственно сверкающими очами.

Оба джентльмена подали друг другу руки в знак извинения, но взгляды, которые они при этом бросали друг на друга, ясно указывали, что они пока не хотят забывать о ссоре и что та снова разразится при малейшем предложении.

Той ночью я внезапно проснулся, продрогший от ужаса, с чудным, диким чувством на сердце. Откуда оно явилось — я не мог сказать. Поднявшись с кровати, я проверил, плотно ли заперта дверь.

Увидев Гола спящим на полу, я раздраженно окрикнул его. Он поспешно встал, потер заспанные глаза — и вдруг тишину нарушил дикий крик, эхом разнесшийся по всему замку. Поскольку то был крик девушки, застигнутой смертельным ужасом, охранник у частокола тут же всполошился. Гола хрипло вскрикнул и укрылся за диваном. Я распахнул дверь и побежал по темному коридору; в самом низу винтовой лестницы я на кого-то натолкнулся, и на пару с ним мы пересчитали немногие оставшиеся ступени. Когда из мрака посыпались одышливые извинения, я понял по голосу, что это был Жан Дезмарт. Я помог ему подняться на ноги и побежал дальше. Он последовал за мной.

Крики стихли, но теперь весь замок был в смятении — люди голосили, мечи звенели, зажигались тут и там огни, дон Винсенте зычно кричал на солдат, и гомон вооруженных людей, бегающих по комнатам и натякающихся друг на друга, наполнил дом. Во всем этом смятении Дезмарт, испанец и я чудом достигли комнаты Марситы — и как раз в тот момент, когда туда ворвался Луиджи и заключил сестру в объятия.

Сюда же стекались прочие мужчины со свечами и оружием, наперебой спрашивая, что произошло.

Марсита неподвижно лежала в объятиях брата, ее растрепанные темные кудри падали ей на плечи, а элегантная ночная рубашка была в беспоряд-

СОДЕРЖАНИЕ

Случай в Вильферском лесу	3
Волкоглав	8
Гадина из сна	33
Поверженный	40
Обитатель холма	47
Проклятье моря	65
Память покойницы	73
Могилы не надобно	82
Касание смерти	97
Оскал жабы	104
Призрак на ринге	117
Луна Большого Зимбабве	130
1. Ужас в сосновом бору	130
2. Суровая пытка	134
3. Черный жрец	139
4. Голод Черного Бога	146
5. Голос Зембы	152

Гиена	160
Черный Ханаан	175
1. Зов Ханаана	175
2. Чужак на Туларозе	179
3. Тени Ханаана	185
4. Болотные жители	195
Крысы-трупоеды	210
1. Мертвая голова	210
2. Озверевший	213
3. Призрак в уборе из перьев	219
4. Адские грызуны	225
5. Крысы пируют	229
Дети Ночи	236
Повелитель Кольца	256
Пламя Ашшурбанипала	269
Черный камень	293
Тварь на крыше	308
Голуби ада	318
1. Свист во мраке	318
2. Змеиный брат	330
3. Зов зувемби	336
Сердце старого Гарфилда	344

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

МИФЫ КТУЛХУ

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 05.2023. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».
Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2